

ПРОБЛЕМЫ ЧАСТНОГО (ГРАЖДАНСКОГО) ПРАВА

О ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ «ЦИФРОВОГО ИМУЩЕСТВА»

■

Е.А. СУХАНОВ,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий кафедрой
гражданского права юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова,
научный руководитель Исследовательского центра частного права
им. С.С. Алексеева при Президенте РФ,
главный редактор журнала «Вестник гражданского права»

<https://doi.org/10.24031/1992-2043-2021-21-6-7-29>

На основе исторически сложившихся в континентально-европейском частном праве различных правовых режимов вещных, обязательственных, корпоративных и интеллектуальных прав в статье обосновывается условность терминов «цифровое имущество» («цифровые активы») и «цифровые права», которые в действительности представляют собой не новый вид объектов гражданского (имущественного) оборота, требующий создания особого гражданско-правового режима, а аналогичный «бездокументарным ценным бумагам» технический способ фиксации определенных законом имущественных прав (главным образом обязательственных и корпоративных), осуществление которых возможно лишь с помощью специальных компьютерных технологий в пределах известных информационных систем. «Криптовалюта» не должна вытеснять официальные платежные средства, а ее использование в обороте подлежит существенным ограничениям, наличие которых препятствует установлению для нее правового режима безналичных расчетов.

Ключевые слова: бездокументарные ценные бумаги; вещи; гражданско-правовой оборот; гражданско-правовой режим; деньги (валюта); имущество; имущественные права; криптовалюта; цифровые активы; цифровые права.

ON THE CIVIL LEGAL NATURE OF “DIGITAL PROPERTY”

■

E.A. SUKHANOV,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Civil Law,
Law Faculty, Lomonosov Moscow State University, Scientific Director,
Alexeev Private Law Research Centre under the President of the Russian Federation,
Editor-in-Chief of the Journal “Civil Law Review”

On the basis of the various legal regimes of real, obligation, corporate and intellectual rights historically established in continental European private law, the article substantiates the conventionality of the terms “digital property” (“digital assets”) and “digital rights”, which in reality are not a new type objects of civil (property) turnover, requiring the creation of a special civil law regime, and a technical method of fixing property rights defined by law (mainly obligations and corporate), which is possible only with the help of special computer technologies within known information systems. “Cryptocurrency” should not displace official means of payment, and its use in circulation is subject to significant restrictions, the presence of which prevents the establishment of a legal regime for non-cash payments for it.

Keywords: undocumented commercial paper and securities; things; civil law commerce; civil law duty; money (currency); property; property rights; digital currency; digital assets; digital rights.

1. ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ РЕЖИМЫ ИМУЩЕСТВА

Распространившееся в последние десятилетия использование в различных имущественных отношениях так называемых цифровых активов (*digital assets*), или цифрового имущества (*digital property*, что в соответствии с укоренившимся словупотреблением нередко крайне неудачно переводится как «цифровая собственность»), ставит перед цивилистикой задачу выработки адекватного им гражданско-правового оформления, а точнее, его включения в общую систему гражданско-правового (частноправового) регулирования. Очевидно, что «цифровым имуществом» невозможно «владеть, пользоваться и распоряжаться» как привычными вещами, оформляя его использование (присвоение и оборот) вещно-

правовыми формами и способами. Решающим здесь становится ответ на вопрос о том, возможно ли приспособление этой системы к возникшим экономическим потребностям путем того или иного видоизменения сложившихся правовых форм или необходимо создание принципиально нового правового оформления.

Как известно, экономические отношения присвоения различных материальных и нематериальных благ (товаров) и обмена ими по необходимости приобретают правовую, прежде всего частноправовую, форму. При этом частное право, призванное юридически оформлять и закреплять названные отношения, за время своего существования и развития выработало определенную систему гражданско-правовых режимов, содержание и специфика которых в основном предопределяются двумя главными факторами: во-первых, характером объекта (предмета) указанных экономических отношений и, во-вторых, национально-историческими особенностями развития конкретного правопорядка.

Первый из указанных факторов привел к постепенному обособлению четырех самостоятельных (особых) гражданско-правовых режимов: вещного права; обязательственного права; корпоративного права; интеллектуальных прав («интеллектуальной собственности»). В течение более чем двух тысяч лет главный «экономический актив» (объект гражданского оборота) составляли исключительно физически осязаемые вещи, основной формой присвоения которых было право собственности. Иначе говоря, объекты гражданских и вещных прав совпадали, хотя еще Гай предложил деление вещей на телесные и нетелесные (*res corporales* и *res incorporales*)¹. С современных позиций речь шла о попытке деления объектов имущественного (частного) права на вещи, относительно которых возможно хозяйственное (физическое) господство, а следовательно, и право собственности, и на нетелесные виды имущества (имущественные права), к которым невозможно физически прикоснуться, а следовательно, исключено хозяйственное господство над ними и тем самым – возможность установления права собственности².

Но в своей классической трехчленной систематике гражданского (частного) права Гай не отразил этого деления, тем самым сохранив для вещей («имущества») традиционный правовой режим (впоследствии воспроизведенный в одном из первых западноевропейских гражданских кодексов – французском *Code civil*, которому до сих пор формально неизвестно деление вещных и обязательственных

¹ См.: Институции Гая. Кн. 2. §§ 12–14 (в кн.: *Гай. Институции. Книги 1–4* / пер. Ф. Дыдынского; под ред. В.А. Савельева, Л.Л. Кофанова. М.: Юристъ, 1997. С. 87).

² Такая трактовка предложенного Гаем деления господствовала и господствует среди отечественных и зарубежных романистов (см. особенно: *Гримм Д.Д.* Лекции по догме римского права. М.: Зерцало, 2003. С. 101–102; *Муромцев С.А.* Гражданское право Древнего Рима. М.: Статут, 2003. С. 148, 460; *Санфилиппо Ч.* Курс римского частного права: учебник / под ред. Д.В. Дождева. М.: БЕК, 2000. С. 520; *Франчози Дж.* Институционный курс римского права / пер. с итал.; отв. ред. Л.Л. Кофанов. М.: Статут, 2004. С. 53–54; *Хвостов В.М.* Система римского права: учебник. М.: Спарк, 1996. С. 125; и др.).

прав). Лишь в XIX в., т.е. около 200 лет тому назад, развился оборот имущественных прав (прежде всего в виде сделок цессии и оборота ценных бумаг как «овеществленных прав»), т.е. нематериальных объектов (*res incorporales*). Он с необходимостью повлек и возникновение нового, особого гражданско-правового режима обязательственных прав (прав требования), отличных от вещных прав (так, их передача от одних лиц к другим и защита от нарушений осуществляется по иным правилам, нежели передача (отчуждение) вещей).

Последовательное разделение гражданско-правового режима вещных и обязательственных прав обосновали германские пандектисты (прежде всего Г.А. Хайсе и А.Ф.Ю. Тибо), которые затем провели его в систематике *Bürgerliches Gesetzbuch* (BGB). В дальнейшем в германской пандектистике на этой основе родилось основополагающее разделение имущественных гражданских прав на «права господства» над вещами (*Herrschaftsrechte*) и «права требования» к владельцам вещей (*Förderungsrechte*). Оно было воспринято и дореволюционной отечественной цивилистикой, которая исходила из того, что «вещные права мыслимы только по отношению к предметам, имеющим телесную субстанцию. То, что такой субстанции не имеет, вообще говоря, не может быть объектом вещного права»¹.

С конца XIX в., т.е. уже немногим более 100 лет тому назад, активными участниками гражданского оборота становятся компании и другие юридические лица – «виртуальные» субъекты права. Поскольку среди них преобладали (и преобладают) объединения лиц (*universitas personarum*) корпоративного типа, взаимоотношения участников которых со своими корпорациями и друг с другом уже нельзя было считать ни вещными, ни обязательственными, с необходимостью появились особые корпоративные права (отношения). По меткому замечанию О. ф. Гирке, «от всех остальных частных прав они отличаются тем, что здесь лица мыслятся не рядом друг с другом, но *одно в другом* [курсив мой. – Е.С.]»².

Наконец, практически лишь в XX в. развился полноценный рынок интеллектуальных продуктов (результатов творческой деятельности и приравненных к ним по правовой охране средств индивидуализации товаров и их производителей). Он также заставил перейти от примитивного («вещного») понимания и режима их принадлежности как «интеллектуальной собственности» к созданию новой категории гражданских (частных) прав – интеллектуальных, которые и стали новым объектом гражданского оборота (ср. п. 4 ст. 129 ГК РФ в ред. Федерального закона от 18 декабря 2006 г. № 231-ФЗ). Этот вид имущественных прав, подобно корпоративным правам, не укладывается в ставшую традиционной дихотомию вещных и обязательственных прав, объективно требуя для себя особого правового оформления.

Таким образом, к концу XX в. сложилась система имущественных прав, юридически оформляющих экономическое присвоение различных объектов иму-

¹ Хвостов В.М. Указ. соч. С. 223.

² Цит. по: Там же. С. 66.

ществленного (товарного) оборота, которые неизбежно требуют различного гражданско-правового режима, учитывающего реальные особенности «хозяйственного господства» над разнообразными видами имущества (объектов гражданских прав). В них выражается объективная необходимость *дифференциации гражданско-правовых режимов*, давно и далеко вышедших за рамки правового оформления традиционно понимаемой «собственности» (и тем более права собственности как категории вещного права), неизбежность которой обусловлена постоянным и все ускоряющимся социально-экономическим и техническим развитием общества. Ведь если дифференциация вещных и обязательственных прав потребовала около двух тысяч лет, то для обособления интеллектуальных и корпоративных прав понадобилось примерно 200 лет, а о «цифровых правах» заговорили лишь около 20 лет тому назад.

Важно также отметить, что не все объекты гражданских прав способны к свободному отчуждению или переходу от одних лиц к другим, т.е. обладают свойством оборотоспособности (п. 1 ст. 129 ГК РФ). Те из них, которые обладают названным юридическим свойством, рассматриваются законом в качестве обобщающей гражданско-правовой категории «имущество». Речь идет о собирательном понятии, выражающем совокупность различных юридических отношений, а не об отдельном, самостоятельном объекте права (о чем постоянно напоминали корифеи дореволюционной цивилистики¹). Иначе говоря, «имущество» охватывает лишь часть объектов гражданских прав – вещи и имущественные права (что прямо следует из ст. 128 ГК РФ), поскольку лишь они могут свободно отчуждаться, становясь еще и объектами гражданского оборота (п. 1 ст. 129 ГК РФ). Иные названные в ст. 128 ГК РФ объекты гражданских прав – работы и услуги (полезный результат которых потребляется одновременно с их осуществлением), а также «интеллектуальная собственность» и нематериальные блага – неотчуждаемы и потому необоротоспособны.

Таким образом, гражданско-правовая категория «имущество» – синоним понятия «объекты гражданского оборота», поэтому, в частности, только оно (а не любые объекты гражданских прав) способно стать объектом взыскания кредиторов обязанного лица (должника)². Следовательно, указания закона на

¹ Как указывал В.М. Хвостов, «имущество есть особое юридическое понятие, которым мы пользуемся, чтобы сокращенно выразить целую совокупность юридических отношений; но оно не является самостоятельным объектом права»; так, «наследник, вступая в наследство, в сущности приобретает отдельные права и обязанности, входящие в состав наследственного имущества, но не особое право на имущество как целое» (Хвостов В.М. Указ. соч. С. 124). При этом следует иметь в виду, что в наследственном праве «имущество» – широкое понятие, включающее в себя как вещи и права субъекта («актив»), так и его обязанности, или долги («пассив») (ч. 1 ст. 1112 ГК РФ), а в вещном праве оно весьма узко и фактически охватывает только вещи (ср. особенно нормы гл. 13 и 20 ГК РФ).

² См. перечень объектов взыскания по исполнительному производству в п. 3 и 4 ст. 69 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (СЗ РФ. 2007. № 41. Ст. 4849).

ответственность гражданина или юридического лица по своим обязательствам «всем принадлежащим ему имуществом» (ч. 1 ст. 24 и абз. 1 п. 1 ст. 56 ГК РФ) следует понимать как возможность кредиторов обратиться с иском на принадлежащие им вещи и имущественные права (обязательственные, корпоративные и исключительные).

Вместе с тем вещи и имущественные права имеют различный гражданско-правовой режим, с учетом особенностей которого осуществляется их гражданский оборот (включая переход к кредиторам). Поэтому признание того или иного объекта «имуществом» (в том числе путем упоминания о нем в ст. 128 ГК РФ, как это произошло с «цифровыми правами») само по себе ничего не решает и не создает для этого «нового вида имущества» особого гражданско-правового режима, позволяющего автоматически вводить его в гражданский оборот.

2. «БЕЗДОКУМЕНТАРНЫЕ ЦЕННЫЕ БУМАГИ» КАК ЮРИДИЧЕСКИЙ ПРОБРАЗ «ЦИФРОВОГО ИМУЩЕСТВА»

Необходимость создания новых гражданско-правовых режимов для новых объектов гражданских прав была превосходно показана замечательным дореволюционным цивилистом А.А. Пиленко, который указывал, что «неразвитое юридическое мышление очень часто руководствуется так называемым законом конструктивной экономии. Закон этот заключается в следующем: появление какого-либо нового социально-правового явления всегда вызывает – как инстинктивный первый порыв – желание субсуммировать это явление в одну из издавна устоявшихся, известных юридических категорий. С точки зрения такой конструктивной экономии можно было бы, например, сделать любопытный обзор тех построений, которые производились с различными новыми факторами нашей общественной жизни: бумаги на предъявителя; страхование рабочих, даже вексель – сделали сначала полный кругооборот по всем сколько-нибудь подходящим институтам, ища себе прибежища; и только очевидная невозможность всех и каждой «аналогичной» конструкции приводила юристов, *volens nolens*, к сознанию необходимости поработать над конструкцией самостоятельной»¹.

Слова А.А. Пиленко прекрасно иллюстрируют не только необходимость появления особого гражданско-правового режима интеллектуальных прав (в противовес «правам интеллектуальной собственности», которые вольно и невольно ведут к ее «вещному» пониманию). Современный отечественный правопорядок тоже столкнулся с действием «закона конструктивной экономии» при использовании нового института «бездокументарных ценных бумаг». Обращение к нему в данном случае важно и потому, что именно «бездокументарные ценные бумаги» послужили основой для формулировки в действующем законодательстве понятия «цифровых прав» (ср. п. 1 ст. 141.1 ГК РФ в ред. Федерального закона от 18 марта 2019 г.

¹ Пиленко А.А. Право изобретателя. М.: Статут, 2001. С. 590.

№ 34-ФЗ и абз. 2 п. 1 ст. 142 ГК РФ в ред. Федерального закона от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ¹⁾ и даже «цифрового имущества» в целом, что вынуждает напомнить об особенностях их гражданско-правового режима.

Еще в 80-е гг. XX в. некоторые высокоразвитые зарубежные правовые порядки признали возможность выпуска эмиссионных (или фондовых) ценных бумаг «без оформления бумажных носителей». Пионером «дематериализации» ценных бумаг стала Франция, закрепившая такую возможность для акций и облигаций в ст. 94-II Закона о ценных бумагах (в ред. от 30 ноября 1981 г., которая вступила в силу 3 ноября 1984 г.). После этого в Германии абз. 5 § 10 Закона об акционерных обществах (в ред. 1994 г.) разрешил исключать или ограничивать «право акционера на документальное подтверждение его доли участия» в результате выпуска «глобальных», или «сборных сертификатов» (*Global-*, или *Sammelurkunden*) взамен традиционной эмиссии множества бумажных акций, а тогдашний Закон о хранении и приобретении ценных бумаг (в ред. от 11 января 1995 г.) допустил такую же возможность для выпуска облигаций (что позволяло говорить о сохранении в обороте ценных бумаг как вещей – документов).

В 2000-е гг. ставшие «виртуальными», а не бумажными такие эмиссионные ценные бумаги, как акции и облигации (а также некоторые производные финансовые инструменты – деривативы), в континентально-европейских правовых порядках получили новую правовую форму «ценных прав» (*Wertrechte*), заменивших в этом качестве традиционную категорию ценных бумаг (*Wertpapiere*). Биржевым товаром здесь теперь считаются не «бездокументарные акции» или облигации, а «финансовые», или «учетные» (т.е. зарегистрированные) «эффекты» (*Bucheffekten*)²⁾, ставшие обобщающим понятием для эмиссионных ценных бумаг

¹⁾ Не случайно принадлежность владельцу «утилитарного цифрового права» теперь удостоверяется «цифровым свидетельством», являющимся «неэмиссионной бездокументарной ценной бумагой» (п. 1 ст. 9 Федерального закона от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 31. Ст. 4418 (далее – Закон об инвестиционных платформах)).

В результате этого в отечественном имущественном обороте появилась еще и «бездокументарная ценная бумага», не являющаяся эмиссионной, причем учет прав по ней согласно п. 8 ст. 9 названного Закона должен осуществляться по правилам, установленным ГК РФ и Федеральным законом от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» // СЗ РФ. 1996. № 17. Ст. 1918 (далее – Закон о рынке ценных бумаг) для бездокументарных ценных бумаг, которые до этого времени оставались исключительно эмиссионными (ст. 1 и п. 1 ст. 2 Закона о рынке ценных бумаг).

²⁾ Этому способствовало традиционное для французского права законодательное разделение ценных бумаг на две группы: эмиссионные (*valeurs mobilières*) и торговые (*effets de commerce*) (см.: Агарков М.М. Учение о ценных бумагах / Агарков М.М. Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. Т. 1: Социальная ценность частного права и отдельных институтов общей части гражданского права. М.: Статут, 2012. С. 268–269).

³⁾ Так, в ст. 3 действующего швейцарского Федерального закона от 3 октября 2008 г. «Об учетных эффектах» (*Bundesgesetz über Bucheffekten, Bucheffektengesetz* // *Bundesblatt*. 2006. S. 9315) под ними понимаются «права требования или членства в отношении эмитентов, открывших банковские счета для их учета», а также иностранные «финансовые инструменты и права на них».

и их безбумажных аналогов, но представляющие собой новый имущественный объект с соответствующим ему особым гражданско-правовым режимом¹.

Отечественное право, возродившее традиционную категорию акций и других ценных бумаг частных эмитентов лишь в начале 90-х гг. прошлого века, использовало (заимствовало) для их правового оформления американский опыт, даже не учитывая отсутствие в англо-американском праве общего понятия ценной бумаги. Принятый в 1996 г. Закон о рынке ценных бумаг в ст. 2 объявил «бездокументарные ценные бумаги»² разновидностью обычных (эмиссионных) ценных бумаг, приравняв их правовой режим к режиму документарных ценных бумаг. Но смысл и сущность классической ценной бумаги состоит именно в «овеществлении права», заключении его в вещную (документарную, бумажную) оболочку, которая «вынуждает» корпоративное или обязательственное «право из бумаги» следовать за вещным «правом на бумагу» (их юридическая судьба по общему правилу совпадает)³. «Бездокументарные ценные бумаги» представляют собой особую, нематериальную (безбумажную) форму существования известных имущественных прав, юридическая природа которых не изменяется в зависимости от формы их фиксации. При этом закрепленные в «бездокументарных ценных бумагах» имущественные права тоже следуют юридической судьбе этих новых объектов (записей в электронном, компьютерном реестре), что и создает основу для их отождествления с правами, закрепленными в традиционных ценных бумагах. Иначе говоря, Закон о рынке ценных бумаг в своих нормах неудачно отождествил два разных типа объектов гражданских прав – ценные бумаги как вещи (бумажные документы, в которых зафиксированы имущественные права) и новую, нематериальную форму имущественных прав, которая стала новым объектом гражданского оборота.

¹ См.: Виганд В. Ценные бумаги, учитываемые записью на счете, – новое имущественное право? // Частное право и финансовый рынок: сборник статей / отв. ред. М.Л. Башкатов. М.: Статут, 2014. С. 394 и сл.; Ekkenga J. Effektingeschäft // Münchner Kommentar zum Handelsgesetzbuch. Bd. 6: Bankvertragsrecht. 3. Aufl. München: C.H. Beck, 2014. S. 1399–1409.

² Эта категория представляет собой кальку с американских *uncertificated securities*, которые согласно подп. «с» ст. 8-102 Единого торгового кодекса США составляют разновидность «эмиссионных ценных бумаг» (*securities*). Наряду с ними ЕТК США в ст. 3-102 и 3-104 называет «оборотные документы» (*negotiable instruments*), а в подп. «а» п. 1 ст. 7-102 – «товарораспорядительные документы» (*Documents of Title*, или *quasi-negotiable instruments*), нигде не используя для их общего обозначения термин «ценная бумага».

³ По справедливому замечанию Г.Ф. Шершеневича, «если бы право могло быть осуществлено беспрепятственно без бумаги, то ему незачем было искать воплощения в бумаге. Поэтому ценной бумагой следует признавать не каждый документ, свидетельствующий о праве на ценность, а только тот документ, который право на ценность ставит в тесную связь с бумагой» (Шершеневич Г.Ф. Учебник торгового права (по изданию 1914 г.). М.: Спарк, 1994. С. 173). Стоит отметить, что классическое учение о ценных бумагах как «овеществленных правах» было разработано в конце XIX в. швейцарским (германским) профессором Генрихом Бруннером (см.: Brunner G. Wertpapiere // Handbuch des deutschen Handels-, See- und Wechselrechts. Bd. 2. Leipzig: Fues's Verlag (R. Reisland), 1882. S. 19 ff.).

Стоит отметить, что в первоначальной редакции части первой ГК РФ 1994 г. ценные бумаги рассматривались как «документ, удостоверяющий имущественные права» (абз. 1 п. 1 ст. 142), а «бездокументарные ценные бумаги» – как «способ фиксации прав в бездокументарной форме» (абз. 1 п. 1 ст. 149). К сожалению, в последующем нормы ГК РФ о ценных бумагах подверглись изменениям, в соответствии с которыми «бездокументарные ценные бумаги» тоже неудачно объявлены разновидностью единой, общей категории ценных бумаг (абз. 2 п. 1 ст. 142 и ст. 149 ГК РФ в ред. Федерального закона от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ), хотя и в действующей редакции ст. 128 ГК РФ документарные ценные бумаги по-прежнему отнесены к вещам, а «бездокументарные ценные бумаги» – к имущественным правам.

Аналогичная ситуация имеет место и с различием наличных денег, которые ст. 128 ГК РФ относит к *вещам*, и «безналичных денежных средств», которые этой же нормой вполне обоснованно отнесены к имущественным (обязательственным) *правам* (несмотря на то, что в экономической и правоприменительной практике принято говорить о «безналичных деньгах» как о «разновидности» денег¹). Подобно этому и «цифровые права», объявленные в ст. 128 ГК РФ (в ред. Федерального закона от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ) особым видом имущественных прав, в действительности представляют собой не новый вид субъективных гражданских прав (существующий наряду с корпоративными, обязательственными и исключительными правами), а лишь их *новую («цифровую») форму*. Это, кстати, прямо следует и из п. 1 ст. 141.1 ГК РФ, признающего таковыми «обязательственные и иные» права, *осуществление* которых возможно только в информационной системе, что дает все основания для их рассмотрения в качестве лишь формы имеющихся субъективных гражданских прав, а не их новой разновидности².

Более того, само по себе отнесение ст. 128 ГК РФ «бездокументарных ценных бумаг» и «цифровых прав» к «имущественным правам» как к виду «имущества» (т.е. к объектам оборота), свидетельствует лишь о том, что закон не считает их вещами (объектами вещных прав, в том числе права собственности). Из этого, однако, не следует, что речь идет (или должна идти) о новом виде гражданских (имущественных) прав, требуемом условиями современного имуществен-

¹ Конституционный Суд РФ прямо указал, что «по своей природе безналичные денежные средства, существующие в виде записи на банковском счете кредитора (их обладателя), представляют собой его обязательственное требование на определенную сумму к кредитной организации, в которой открыт данный счет» (п. 3 постановления от 10 декабря 2014 г. № 31-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2015. № 2).

² С этой точки зрения гораздо более логичным было бы размещение норм о «цифровых правах» среди правил о форме сделок (ст. 158–163 ГК РФ). Обзор различных мнений об их юридической природе см.: *Шерстобитов А.Е.* Гражданско-правовое регулирование «цифровых прав» // Проблемы современного гражданского права: сборник статей памяти В.С. Ема (к 70-летию со дня рождения) / отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Статут, 2021. С. 230–241.

ного оборота¹. Можно лишь констатировать, что в законе получил юридическое закрепление очередной *условный термин*, содержание которого никак не соответствует его наименованию. Как и в ситуации с «бездокументарными ценными бумагами», это положение стало закономерным результатом использования современным отечественным законодателем давно известного пути приспособления к новым потребностям и условиям старой юридической формы.

Важно также отметить, что ошибочное по существу приравнивание обычных и «бездокументарных» ценных бумаг (т.е. вещей и имущественных прав) имело и вполне конкретные практические последствия. Отечественной правоприменительной практикой оно было использовано для защиты интересов владельцев последних с помощью вещно-правового «виндикационного иска»², неизбежно обнаружившего свою неэффективность в применении к таким «виртуальным» объектам. Ведь истребование от недобросовестных и добросовестных приобретателей «компьютерных записей в натуре» (даже путем их «технического восстановления») было не только абсурдным по существу, но и нередко мало чем помогало их первоначальным правообладателям, поскольку последующие «приобретатели бездокументарных акций» с их помощью успевали производить выгодные им изменения в управлении и экономической деятельности эмитентов³. Лишь в п. 3 ст. 65.2 ГК РФ (в ред. Федерального закона от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ) появился новый институт «восстановления корпоративного контроля», учитывающий особенности защищаемых корпоративных прав (независимо от способа их оформления).

Следует обратить внимание и на то, что неудовлетворительное положение с правовым режимом «бездокументарных ценных бумаг» в значительной мере было обусловлено бездумным копированием зарубежного (англо-американского) правового опыта, исторически (генетически) чужеродного континентально-европейскому (прежде всего пандектному) праву. Аналогичная опасность возникает и при попытках прямого («зеркального») использования в отечественном праве категории «цифрового имущества» (*digital property*), не имеющей юридического (по крайней мере, гражданско-правового) смысла в континентально-европейском праве. К сожалению, пренебрежение национально-историческими особенностями, неизбежно присущими конкретным правопорядкам, свойствен-

¹ Примечательно, что и содержание «утилитарных цифровых прав» в п. 1 ст. 8 Закона об инвестиционных платформах тоже сведено к правам требования передачи вещи или исключительно права на результат творческой деятельности, либо выполнения работ и (или) оказания услуг, т.е. к обычным обязательственным правам (что косвенно подтверждает и содержание п. 10 ст. 8 названного Закона).

² См. п. 7 Обзора практики разрешения споров по сделкам, связанных с размещением и обращением акций, утв. информационным письмом Президиума ВАС РФ от 21 апреля 1998 г. // Вестник ВАС РФ. 1998. № 6.

³ См.: Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации / вступ. ст. А.А. Маковского. М.: Статут, 2009. С. 129–130.